

И.И. АНТОНОВИЧ,

ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (МОСКВА, РОССИЯ)

КОРРУПЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ

Показано, что коррупция, сопровождающая любые демократические преобразования в обществе, особенно ярко проявилась в России в перестроечное и послеперестроечное время. Для борьбы с ней требуются долгосрочная стратегия, мобилизация усилий всего общества.

Corruption accompanying any democratic changes in the society is shown as having displayed most vividly in Russia in its perestroika and after-perestroika period. It requires a long-term strategy and mobilization of the whole society's efforts to combat it.

Все великие революции совершаются под обманчиво простыми лозунгами. Великая французская революция вдохновилась идеями Свободы, Братства, Равенства и ополчилась против монархического строя, обнаружившего к тому времени свою несовместимость с надеждами и отчаяниями «третьего сословия» – категории населения, именуемой сегодня «средним классом» и представленной торгово-промышленным, коммерческим, предпринимательским слоем общества, развивавшим новую парадигму активного исторического действия, полагаясь на себя и свои возможности и руководствуясь собственным видением мира и желая для этого только свободы. Социальное равенство, которое принесла с собой Великая французская революция, означало одинаковые возможности внутри правового поля, создаваемого в интересах этого социального слоя, гарантировавшего каждому его члену минимальный объем условий для самореализации.

Очень скоро революционные достижения французских буржуа подверглись сомнению, общество раскололось на противодействующие политические силы, и к концу XIX в. идеалы Свободы, Равенства, Братства стали в основном формулами агитации, вдохновляющими народ на массовые действия, а Франция представляла собой образцовую страну, где царил сво-

бота предпринимательства, рыночная экономика, для реализации целей которых ее правители не стеснялись использовать военную силу, диктат и покорили значительную часть менее развитого мира. Вершители судеб этого общества уже не вдохновлялись идеалами Свободы, Равенства, а тем более Братства. Это были люди, видевшие цель своей деятельности только в прибыли любой ценой, получении богатства и через владение этим богатством – в обеспечении себе жизненных целей.

Русские революции 1905 г. и 1917 г. (февраль, октябрь) ставили своей целью свержение царизма. Первые две тоже много говорили о Свободе, Равенстве и Братстве людей, однако третья – Великая Октябрьская революция, названная потом социалистической, выдвинула столь же простые, но впервые понятные большинству населения лозунги: «Земля – крестьянам, фабрики – рабочим». Таким образом, эта революция совершила качественный сдвиг в сторону основной массы граждан – рабочих и крестьян, – угнетаемой молодым, но хищным российским капитализмом, который сам задыхался в тисках феодального общественно-политического строя.

Вдохновители, организаторы этой революции – В.И. Ленин и созданная им большевистская партия – ориентировались на открытую марксизмом закономерность движения истории, в результате которой капитализм сменяется социализмом. Однако выявить марксистскую формулу социальной реальности в России тогда было невозможно. Просто конкретный политический момент давал шанс легкого взятия власти, носители которой обессилели в дебатах, скомпрометировали себя некомпетентностью и бездействием. Символично, что лидер «демократической» февральской революции 1917 г. А.Ф. Керенский просто бежал, когда ему необходимо было стать в авангарде защиты революции, а потом всю жизнь объяснял в своих многочисленных выступлениях и мемуарах, что на самом деле его побег означал очень хорошо спланированное намерение отстоять завоевания революции. Конечно, для того, чтобы взять власть в условиях распада и затем удержать ее, нужны были не только смелость и воля, но и незаурядные способности.

Великая французская революция с самого начала была признана большинством общества. Великая Октябрьская социалистическая революция, встреченная поначалу с энтузиазмом трудящимися массами в обездоленной, обессиленной, измученной войной стране, потом вступила в полосу отторжения как образованными, привилегированными слоями общества, так и рабоче-крестьянской массой. Сопrotивление было подавлено силой, но зерна раскола были не ликвидированы, а загнаны вовнутрь общества.

Важнейшей особенностью исторической трактовки результатов русских революций является непримиримость точек зрения на ее исторические необходимость и результаты. П. Струве, один из идеологов «демократических преобразований» в России, уже в иммиграции писал: **«Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором – таков непререкаемый морально-политический итог пережитых нами с февраля 1917 г. событий.**

Разыскание причин той поразительной катастрофы, которая именуется русской революцией и которая, в отличие от внутренних кризисов, пережитых другими народами, означает величайшее во всех отношениях падение нашего народа, имеет первостепенное значение для всего его будущего. Конечно, судьбы народов движутся и решаются не рассуждениями. Они определяются стремлениями, в основе которых лежат чувства и страсти, но всякие такие стремления выливаются в идеи, в них формируются; могучей, движущей, творческой силой исторического процесса страсть может стать только заострившись до идеи, а идея должна, в свою очередь, воплотиться в страсть»¹.

Возможно, ключевое слово в этой цитате – страсть. Страсть к справедливости, овладеваемая массами в особо кризисные периоды развития об-

щества. Она становится главной движущей силой и может достичь своих целей, только если вдохновлена простой и понятной всем идеей. Фабрики – рабочим, земля – крестьянам стали такой идеей в России, а когда пришло время ее реализации, обстоятельства, реальные условия настолько изменились, что о вдохновляющих идеях уже почти никто и не вспоминал.

Общество, измученное годами Гражданской войны, после взятия власти большевиками думало только о том, как прокормиться, найти кров и отдохнуть от ужасов военных лет. Однако главный, духовный, идейный и психологический итог революции остался – социальное расслоение общества на управляющих и управляемых. В реальном советском обществе эти социальные слои причудливо перемешались, и социологам, исследующим этот период, почти невозможно определить «кто есть кто?», ибо перед «управляющим» все-таки была реальная возможность продвижения «снизу вверх». Лозунг «Кто был ничем, тот станет всем» для многих означал выдвижение, образование, успех. Реальный раскол общества между тем произошел в душах людей. Для образованных слоев общества, интеллигенции, администрации, владельцев капиталов революция была стихийным бунтом, после которого страна могла двигаться только в направлении к хаосу: «Революция, низвергшая “режим”, оголила и разнуздала гоголевскую Русь, нарядив ее в красный колпак, и советская власть есть, по существу, николаевский городничий, возведенный в верховную власть великого государства. В революционную эпоху Хлестаков как бытовой символ из коллежеского регистратора получил производство в особу первого класса. “Ревизор” из комедии провинциальных нравов превратился в трагедию государственности. Гоголевско-щедринское обличье Великой Русской революции есть непрерываемый исторический факт»². Сказано верно, но с одним уточнением: это характерно для всякой революции, где в определенный момент силы хаоса и разрушения берут верх и их господство может длиться очень долгое время. Именно поэтому распространено убеждение, что удачными бывают только провалившиеся революции, которые после хаоса и насилия медленно возвращаются в относительно нормальное социальное состояние, находят слова и средства, которые успокаивают революционные массы, возвращают их на поля, на фабрики, а студентов и молодежь – в аудитории и лаборатории.

Большая часть российской интеллигенции, составлявшая основу и славу русского общества, устойчивый питательный ресурс его цивилизации и культуры, оказалась за рубежом. Она восприняла революцию с неприкрытой ненавистью и свое пребывание в иммиграции подкрепляла этой ненавистью и скрашивала ею свои будни. Русских интеллигентов, так называемых белых эмигрантов – ученых, писателей, артистов, офицеров, военных, – можно было найти в рядах всех сражающихся сил Европы XX ст.

Трудящиеся массы, рабочие и крестьяне России в итоге Октябрьской революции остались без этого образованного слоя в рядах партии большевиков, где тоже было немало образованных людей, знающих, что и как нужно делать, но и немало тех, кто просто готов был повиноваться приказу (этому научила их победа в Гражданской войне). Великая страна стала управляться верхами, заботящимися в основном о сохранении собственной власти, и, несмотря на колоссальные трудности, построила-таки новое общество, которое по индустриально-техническому и культурному развитию поднялось на уровень ведущих европейских обществ, но которое по-прежнему страдало от материальной недостаточности, поскольку социалистические преобразования происходили в условиях, плохо подготовленных для этого исторически.

Великий раскол сил, противодействующих в русских революциях и Гражданской войне, не был устранен, его корни ушли глубоко в социум, и при каждом повороте событий создавались угрозы обострения старых противоречий, старого противостояния. Расширяющаяся цивилизация, каковой была Россия, покорявшая новые просторы и горизонты в течение последних трехсот лет и вдохновляющаяся простыми, но мощными идеями «право-

славия, самодержавия, народности», перестала существовать. Ее уникальность сменилась цивилизационным устремлением «догнать», задачей стало экономически и социально-политически создать более совершенное общество, чем западный капитализм. В ходе исторической реализации получалось, что это стремление, так или иначе, означает имитацию Запада, что и происходило в течение десятилетий, когда советская производственная система копировала лучшие научно-технические образцы Запада, на этой основе делала свои нетривиальные открытия, продвигаясь к созданию промышленной цивилизации, тщательно избегая заимствования политических структур. Промышленная цивилизация – вершина советского периода истории. Однако на исходе XX в. она оказалась уже недостаточной для решения задач как всемирного протivoборства между капитализмом и реальным социализмом, так и для реализации главной задачи, объявленной КПСС: «Всё более полное удовлетворение непрерывно растущих материальных и духовных потребностей советских людей».

Изначально реализацию этой задачи осуществляли люди, свершившие революцию: «К власти в октябре пришли разные люди: интеллигенты революционного закала, рабочие-самоучки, выходцы из политической богемы, недоучившиеся гимназисты и студенты, бывшие ссыльные каторжники, бывшие эмигранты, светлые талантливые головы и костные догматические умы»³.

Заметим, что в этой палитре разночинцев, которыми всегда характеризуется революционный слой общества, не было авантюристов. Это были люди, убеждения которых были проверены Гражданской войной и которые всерьез желали преобразовать российское общество на социалистических началах, введя его в эпоху модерна таким образом, чтобы это отвечало чаяниям основной массы населения. Революционный радикализм постепенно угасал, на смену ему приходило знание ситуации, компетентность, дисциплинированность, общество выстраивало механизмы управления, создавало новую индустриальную базу, реформировало сельское хозяйство.

Вопрос о цене, так горячо обсуждаемый сегодня на страницах исследований, посвященных этой эпохе, тогда не вставал, как не встает он в периоды острых социальных преобразований и в других странах. Все великие трансформации сопровождаются великими трагедиями, а большая история пишется большой кровью. Преобразование общества происходило в упорной борьбе мнений, личностных амбиций, столкновений разных политических сил, одни из которых желали ускорять исторические процессы любой ценой, другие, наоборот, высказывались за более умеренное движение.

Однако, как отмечают западные исследователи, «по крайней мере, со времени Петра Великого Россия вступила на путь модернизации. В итоге российское общество сразу оказалось в лоне фундаментальных противоречий и столкновений. В политической области правительство настойчиво предлагало, а иногда и осуществляло реформы, которые могли бы дать социальным группам больше автономии, но высшее руководство всегда проявляло нежелание принять какие-либо ограничения своих возможностей и власти, осуществляло свою политику автократическими методами. Экономически Россия (особенно после перестройки) вступила в эпоху рыночных и капиталистических отношений, но правительство не доверяло капиталистическим элитам, очень часто нарушающим рыночные принципы. В культурном отношении обнаружились колоссальные расхождения между теми, кто настаивал на уникальности и превосходстве российской культуры, и теми, кто считал, что Россия должна присоединиться к западному миру»⁴.

Автор этих слов – американский исследователь Тим Макдэниэл говорит о том, что Россия мучилась этими проблемами модернизации на всем протяжении развития капитализма в Европе. Но деятели имперской России – Петр Великий, Николай I, Николай II – совсем не желали репутации монархов-модернизаторов. Они строили Великую Россию. Хотя Николай II больше других монархов считал себя воплощением русской традиции и русской

идеи, но и он не смог защитить ее основные принципы. Что же касается большевиков, пришедших к власти в результате Октябрьской революции, то о них Макдэниэл пишет: «Их никто не мог упрекнуть в пассивности, они объявили себя лидерами модернизации, рационализаторами России, объявили войну русской “отсталости” так, как до этого со времени Петра Великого не делал ни один другой руководитель России. Но в отличие от Петра Великого они оправдывали радикальные изменения современной идеологии Равенства и Справедливости и заявляли о необходимости создать свободное общество свободных людей... Однако эта идеология прогресса была сформулирована и реализовалась властью, которая во многом напоминала модель власти, существовавшую у русских царей. Прежде всего, так же как и при царях, коммунистические руководители от Ленина до Горбачева рассматривали советское общество как объединение лояльных людей, полностью подчиняющихся руководству, и этим они налагали определенные ограничения на сложную эмпирическую реальность. Хотя формула объединенного народа была вполне сознательным идеологическим приемом, но все-таки одновременно ограничивала способность руководителей правильно понимать общество, которым они руководили. Два ведущих советских реформатора Хрущев и Горбачев были серьезным образом неприятно поражены и в значительной степени обессилены политической и социальной какофонией, запущенной в результате их призыва к реформе»⁵.

Какофония и хаос в советский период российской истории дали о себе знать особенно в период перестройки. Как и все крупные революционные преобразования, она тоже началась под обманчиво простым лозунгом «Вернемся в мировую цивилизацию и будем жить как все». Никто толком не потрудился привлечь внимание, что в мировой цивилизации все, т. е. большинство мирового населения, жили на сумму менее одного доллара в день, определяющую границу мировой бедности. Сторонники лозунга и лидеры движения за демократическое обновление общества под «как все» имели в виду 15–17 стран западного мира, уровень материального благосостояния которых намного превышал уровень как стран второго мира (объединенных тогда «мировой социалистической системой»), так и тем более стран третьего, развивающегося, мира. Перестройка, начавшаяся как обновление социализма на новой, более совершенной, экономической основе, очень скоро выдохлась. Сегодня ничего, кроме смеха, не могут вызывать предполагавшиеся тогда ускоренные экономические реформы (например, знаменитые «500 дней» Шаталина и Явлинского, которые предлагали «впрыгнуть» в рыночную экономику обходным, революционным путем). Основной акцент реформ сместился с экономических преобразований на задачи демократизации общества, а движущим идеологическим инструментом была объявлена гласность, которая вылилась в беспощадное поношение и реального социализма, и собственно истории, и русского народа, и государства СССР.

Не исключено, что трагического исхода событий можно было бы и избежать, если бы в руководстве коммунистической партии, инициатора и организатора реформы, не обнаружился трагический раскол между двумя ведущими личностями перестройки – Горбачевым и Ельциным. Два провинциала, плохо знавшие технологии действия высшего политического руководства страны, амбициозные, но недостаточно подготовленные для великих исторических задач, узрели для себя шанс прийти к власти. На пути каждого стоял другой, поэтому их схватка была особенно яростной и бескомпромиссной. Их апологеты представляли обоим в приукрашенном виде, называли «могучими характерами», ликами русской культуры, имеющими глубокие нравственные корни. Однако объективно мыслящие исследователи видели глубже: «Реальная политика Горбачева и Ельцина указывает на их связь не с русским народом, а с теми силами, которые строят “новый мировой порядок”, где русскому народу нет достойного места, она свидетельст-

вует о принадлежности их не к русской культуре, а к культуре “мирового гражданства”, базирующейся на “общечеловеческих ценностях”»⁶.

Правда, эти трезвые оценки появились уже тогда, когда история свершила свой путь, а СССР распался и авантюристическая политика лидера и антилидера перестройки – Горбачева и Ельцина – принесла свои плоды. Однако и сейчас, и тогда группы усердных апологетов пытаются закамуфлировать реальные масштабы трагедии и роль этих двух личностей в качестве ее субъектов. Истина состоит в том, что, вступив в борьбу за власть, Горбачев и Ельцин предали идеалы перестройки, судьбы страны и оказались равнодушны к будущему своего народа, ставшего основной жертвой перестроечных коллизий. Этот факт затушевывается в многочисленных захвальных публикациях и сегодня. Особенно показательной из них является книга под названием «Многая лета...», посвященная 70-летию со дня рождения Горбачева. Подхалимствующие исследователи всерьез обсуждают, с кем нужно сравнивать Горбачева – с Папой Римским или Лютером. Братья-украинцы, воздавая должное Горбачеву, видят причину таких сравнений в том, что он «казак по духу» и вообще – украинского происхождения, что он, «спаситель цивилизации», опередил свой век, «не революционер, а целитель». И только трезвый, скучный, но глубокий политик Г. Киссинджер открыл главное его достоинство: «Он уничтожил советскую тиранию»⁷. Правда, Киссинджер понимает «советскую тиранию» достаточно своеобразно, проецируя ее не на внутреннее положение в стране, а на мировую политику.

США и другие западные государства традиционно приписывали Российской империи, а потом и СССР стремление к мировому господству. На самом деле история российской империи и СССР в XX в. свидетельствует о стремлении страны защитить свою независимость, а не завоевывать мировое господство. Но именно сдвиг политики Горбачева в сторону противостояния с Западом и позволяет Киссинджеру давать этому деятелю захвальные характеристики: «Горбачев был первым советским правителем, полностью отрекшимся от классовой борьбы и провозгласившим мирное сосуществование в качестве самоцели. Продолжая говорить о наличии идеологических противоречий между Востоком и Западом, Горбачев теперь настаивал на том, что эти противоречия вытесняются необходимостью международного сотрудничества. Мирное сосуществование обосновывалось теперь ни как обязательная ступень на пути к окончательной победе коммунизма, а как условие, необходимое для процветания человечества»⁸.

Первым провозгласил стратегию мирного сосуществования Ленин. Если взять основные ориентиры, провозглашенные Горбачевым, в частности «строительство общего европейского дома», то сегодня они воспринимаются как цели, утопизм которых был безжалостно опровергнут ходом событий после распада СССР, когда США с помощью как военной, так и экономической силы попытались, пока, правда, безуспешно, построить новый миропорядок в форме однополярного мира. Однако этот панегирик Горбачеву, который прозвучал спустя десять лет после распада СССР, говорит о том, что сегодня многим хотелось бы скрыть истинные причины и горечь поражений, пережитых народами СССР после провала перестройки.

Апологеты Ельцина тоже усердствуют. Продолжая соперничество, они выпустили в том же 2001 г. свою книгу под столь же громким названием «Эпоха Ельцина»⁹. Здесь тон несколько более сдержанный, но обращает на себя внимание другое немаловажное обстоятельство: вся эпоха Ельцина рассматривается в полном отрыве от истории страны, ее народа, от экономических и политических трудностей, трагедий, сотрясавших российское государство в то время, и занята смакованием мелких проблем, возникающих в кабинетах власти, межличностного соперничества, межведомственных противоречий, борьбы за влияние с помощью бюрократических процедур, достижений этого влияния, а также интриг, интриг, интриг. Авторы заключают эти многостраничные исследования таким пассажем: «Наступит день,

когда все мифы о Ельцине на значительной дистанции от описываемых событий сольются в один большой миф. Тогда слово “Ельцин” будет содержать необходимые черты мифологического героя. В нем будет реальный исторический Ельцин, в нем будет ритуальное прославление Ельцина – за разрушение советской системы, за сохранение свободы слова, за решимость взять на себя ответственность и даже за досрочный добровольный уход с поста президента. В нем будут проклятия за разрушение великой страны, за унижение и бедность, за Чечню, в нем будет все, что необходимо человеку, заглянувшему в миф, чтобы узнать в нем себя.

А потом наступят еще более далекие времена, и политики, которые сегодня еще не родились, захотят демифологизировать своего предшественника, своего первого президента России Бориса Николаевича Ельцина. Есть опасность, что, уничтожая миф, они повредят и саму реальность, которую будут стараться восстановить, т. е. исказят историю и действовавших в ней людей»¹⁰. Навряд ли можно больше «повредить реальность», чем это было в эпоху Ельцина. Волна апологетики скрыла образ реального Ельцина, начиная с трехсуточного отпевания атеиста Ельцина в главном храме православной церкви и кончая постоянными воспоминаниями его ближнего круга. Ельцин предстает в «возвышенном виде», явно рассчитанном на то, чтобы крайности его личного поведения и жизни, трагедия последствий результатов его правления для страны забылись народом. Так что истории предстоит очистить его образ от мелких наслоений, и тогда он предстанет во всей своей неприглядности.

Впрочем, есть один фактор, который позволяет надеяться, что реальные деяния вдохновителей и оппозиционеров перестройки, приведшие к распаду великой страны, из памяти народной не исчезнут. Важным и часто обсуждаемым результатом перестроечных и постперестроечных переворотов, совершенных на постсоветском пространстве, является массовая и тотальная коррупция, охватившая все слои общества, но с мощной силой поразившая в первую очередь ее правящую элиту. Коррупция – родственница демократии, известная еще со времен Древней Греции и сопровождавшая более чем двухсотлетнюю историю становления демократических режимов в Западной Европе. Платон считал, что в обществе, превышающем пять тысяч человек, демократия неизбежно превращается в коррупцию. Сегодня во многих странах постсоветского пространства бытует мнение о том, что демократия – ловушка, а демократические политики – демагоги, спекулирующие на эмоциях и проблемах людей лишь для удовлетворения личных амбиций.

Государства, образовавшиеся на постсоветском пространстве, двинулись к демократии в ускоренном темпе в эпоху кризиса. Это происходило в период, когда демократия на своей родине, на Западе, переживала не лучшие времена, ибо давно превратилась в правление меньшинства, так как в выборах редко принимает участие более половины населения. В итоге кандидаты, даже получившие большинство голосов реально участвовавших в голосовании в сравнении с общим числом имеющих право голосовать, но не желающих его реализовывать, оказываются избранными меньшинством.

На протяжении 200 лет мощного индустриального развития Запада массовая печать пестрила сообщениями о вопиющих фактах коррупции. Сегодня ситуация к лучшему меняться не спешит. Непосредственное слияние коррупции с политической системой в истории западной демократии произошло тогда, когда политика стала переходить в форму противоборства партий и выборов по партийным спискам. Соперничество программ в ходе избирательных кампаний требовало все больше и больше средств для агитационно-пропагандистской работы, для прямого и косвенного подкупа избирателей и самих политиков. Партийные программы стали удручающе похожи друг на друга, все они вынуждены подстраиваться под ожидания избирателей, а выдвижение кандидатов является продуктом сложнейших закулисных махинаций и переговоров в ситуациях, которые определяются

многими западными наблюдателями как «склоки в накуренных задних комнатах отелей, наполненных запахом виски, сигаретного дыма и корысти». Не случайно поэтому в США победившим политикам дают совет то ли в шутку, то ли всерьез: «Иди в храм и покайся».

Все пороки западной демократии повторились в странах постсоветского пространства с пугающим однообразием, но с новой силой. Мало кто из ведущих постсоветских политиков избежал обвинений в коррупции, но никто не подвергся серьезным юридическим преследованиям, наказаниям или хотя бы штрафам. Недавно уволенный московский мэр, если верить СМИ, получил выходное пособие в 3 млн рублей и пенсию, равную средней зарплате министра в странах ЕС. Проблема тяжелым грузом висит на социально-экономических процессах, мешая принимать объективные решения, создавая ситуации разбазаривания общественных фондов, бесчинства и правовой безнаказанности людей, накопивших огромные состояния сомнительным путем.

Россия, задающая тон в СНГ, не стала исключением, и сегодня многие говорят о том, что капитализм, созданный в России, невиданного ранее характера. Главной его особенностью является коррумпированная составляющая. В стране создан особенный тип власти, который обеспечивается сплавом криминальной олигархически-бюрократической элиты, заинтересованной прежде всего в личном обогащении. Основная структура этой элиты, как свидетельствует американский исследователь Давид Гофман, была создана в два срока нахождения у власти Ельцина¹¹. Гофман живописует грабительскую «прихватизацию» российской экономики в этот период, концентрацию богатства в руках небольшой группы лиц – банкиров, олигархов, ставшую возможной благодаря их членству в «семье» Ельцина – закрытом клане «посвященных и допущенных», обладающем криминальными склонностями. Гофман однозначен: «После победы на выборах (имеются в виду выборы 1996 г. – И. А.) Ельцин и магнаты заключили союз, их богатство стало неотделимым от его власти. Ни они, ни Ельцин не могли обойтись друг без друга, могущество магнатов выросло, их стали называть олигархами – людьми, владеющими и правящими в новой России»¹².

Гофман задается вопросом, откуда будущие олигархи узнали, как надо действовать по приобретению богатства, и отвечает, что в советские времена они пробивались в «закрытые библиотеки», читали книги по западной экономике и финансам, доступ к которым был ограничен. Однако усваивали они там не столько методы честного бизнеса, сколько приемы и хватки рейдерского силового обогащения за счет других. Они изучали и страны восточного блока, такие как Венгрия, Югославия, их восхищали детские герои голливудских фильмов, привезенных в Москву на «пиратских видеокассетах». «Позже они прошли индивидуальное обучение у таких магнатов, финансистов мирового масштаба, как Р. Мердок, Дж. Сорос, у многочисленных представителей американского и английского финансового капитала, частного банковского капитала от Женевы до Гибралтара... Новые российские магнаты многое позаимствовали из богатой истории американской и европейской плутократии. Хотя российские состояния были относительно невелики – любой из четырех ведущих российских коммерческих банков в 1995 году занял бы, к примеру, где-нибудь в Италии место не выше тридцатого, их обладатели тем не менее переняли силы и методы обороны разбойников, копируя их наглый стиль, холодную уверенность в себе, дерзкие гамбиты и дорогостоящие причуды. Сходство с американскими капиталистами XIX века не было случайным»¹³.

«Заслугу» Ельцина Гофман видит в том, что он сформировал отряд молодых реформаторов во главе с Чубайсом, которые всеми силами принялись крушить старую систему. Сначала они отпустили цены на товары потребления и лишь потом ввели правила становления структур рыночной экономики. Благодаря этому первоначальный российский капитализм родился в безвоздушном пространстве, в вакууме отсутствующих законов, а

государство было настолько ослаблено, что имевшиеся законы не могло применять, да они были и не применимы в новой ситуации. Тогда и сегодня сделки, заключенные этими людьми, являлись противоречащими закону, логике рыночных отношений и морали. Сегодня эти люди вынуждены оправдываться и говорят о том, что приходилось действовать в мире, где не существовало юридических и морально сдерживающих факторов, характерных для зрелого капиталистического общества западного типа.

Они об этом не говорят, но хотели бы, чтобы это следовало из их высказываний, что общество развитого капитализма западного типа в тех условиях родиться не могло. Гофман пишет по этому поводу: «Тогда в самом начале Россия была страной, в которой не существовало главенства закона. Ложь, воровство и обман были частью повседневного бизнеса, а насилие, жестокость и принуждение – средствами достижения цели. Не оправдывая заказные убийства, неприкрытое воровство и алчные амбиции тех, кто возглавлял капиталистическую революцию в России, следует сказать, что все это происходило в зоне неведомого»¹⁴. Гофман косвенно пытается оправдать ту эпоху зоной неведомого. На самом деле это прямое обвинение в адрес Ельцина и той системы, которую он создал и которая особо благоприятствовала становлению именно такой ситуации беззакония, насилия и хаоса. Он прямо виновен в том, что сознательно искажал ситуацию, называя ее периодом реформ, обещая народу скорое изменение к лучшему.

С тех пор появилось немало исследований, документально свидетельствующих о том, что, страдая от своих многочисленных недугов, Ельцин не мог эффективно руководить страной, а обладая склонностью к авторитарным методам правления, формально не упускал бразды правления из своих рук. Это привело к тому созданию вокруг него замкнутой группы людей, движимых криминальными целями личного обогащения, которые за годы правления Ельцина ограбили Россию. Именно поэтому А. Хинштейн полагает, что «история болезни Ельцина – это история болезни всей России. Сначала было опьянение конца 80-х, хмельной воздух призрачной свободы, потом – один сплошной, непрекращающийся запой: приватизация, Чечня, расстрел парламента, дефолт, олигархи и, наконец, горькое, тяжелейшее похмелье. Если бы в 1992 году кто-то сказал нам тогдашним, что пройдет пяток лет и в Кремле воцарится геронтократия почище брежневской, мы бы лишь рассмеялись в ответ. Не было в России человека популярнее Ельцина. Он был истинным миссией: последней надеждой и любовью»¹⁵.

Однако мы пишем не биографию Ельцина и задача не в том, чтобы разобраться в мотивации его поступков. Главное здесь состоит в том, что по итогам его правления сложилось криминальное олигархически-бюрократическое государство, основой которого являются мафиозные структуры, коррумпированная бюрократия и частный бизнес. Оно поддается реформированию с огромным трудом. Коррупционная составляющая стала главной характеристикой его функций в период нахождения у власти Ельцина и продолжает в значительной степени оставаться таковой и в наше время. Власть не бывает бесхозной. Именно в момент, когда Ельцин сосредоточивал ее в основном в своих руках, надеясь создать автократическую систему личного управления, она ускользнула из его рук. Буквально на ходу ее перехватила узкая группа лиц, объединившихся вокруг него с помощью родственных и криминально-мафиозных связей. Драка за штурвал по вполне очевидным причинам неминуемо усугубила все проблемы общества – как социально-экономические, так политические и этнокультурные, породив системный кризис, который достался в наследство уже новому президенту страны.

Борьба с коррупцией вроде бы ведется, но пока что она не может достичь результатов, которые были бы очевидны основной массе общества. Отсюда умножение негативных диагнозов и апокалиптических предсказаний о судьбе России. Правда, все эти трагические диагнозы и апокалиптические предсказания можно было бы с некоторой долей коррекции применять и к

другим странам постсоветского пространства. Просто ввиду особой роли России как страны, претендующей на лидерство в этом пространстве, а также масштаба ее кризиса и ресурсных возможностей они здесь проявляются особенно ярко.

Известный исследователь социально-экономических процессов в современной России М. Делягин пишет: «Неадекватность, бессилие и неизбежные для России претензии правящей бюрократии на величие будут делать ее по-настоящему смешной – при том, что ведь только смех один и страшен для власти, так как он с наименьшими усилиями и необратимо делегитимирует и лишает ее сакральности. По мере стремительного нарастания негативных последствий неудач государственной политики для каждого отделившегося человека правящая бюрократия начнет вызывать все большее и большее омерзение. Даже сочувствие ей начнет восприниматься в самых разных социальных слоях как грубое нарушение общественной морали, а поддержка постепенно приравняется в глазах основной части населения к преступлению, к измене обществу»¹⁶. Эта власть малоэффективна в борьбе с основными социальными болезнями, разъедающими российское общество, – инфляцией, массовой бедностью, кризисом систем социального обеспечения, здравоохранения, культуры.

Решение задач модернизации системы управления в России невозможно без устранения коррупционной составляющей ее развития. Между тем коррупция продолжает разъедать Россию. В мировом обзоре рейтинга коррупции «Transparency International» Россия опустились на 143 позицию, оказавшись в соседстве с Гамбией, Индонезией, Того, Анголой. По оценкам фонда «ИНДЕМ», «объем коррупционных сделок в России вырос нынче с 40 млрд долларов в 1901 году до более 300 млрд долларов сегодня»¹⁷. Взятки и слияние чиновничьих структур с бизнесом по-прежнему остаются нормой на всех уровнях власти – федеральном, региональном, местном. Печать, время от времени сообщая вопиющие факты этой коррупционной смывки, потом фиксирует, что никакие публичные разоблачения коррупционной практики не сопровождаются активными действиями властей по ее ликвидации. Под болтовней о «борьбе с реваншем олигархов» в России происходит обогащение новой, более могущественной бюрократической олигархии. Важные активы из государственной собственности выводятся под контроль частных лиц, за государственный счет по баснословным ценам выкупается собственность у олигархов, устанавливается монополия на экспорт российской нефти и др. Чемпионом по выводу важнейших активов в руки таинственных «третьих лиц» печать называет Газпром. Приводятся и отдельные фамилии, но не о них речь.

Дело в другом. Характерной особенностью борьбы с коррупцией в России является то, что, несмотря на ее нетерпимость, остро ощущаемую всеми гражданами, сегодня ею пронизано все общество. Коррупция – это не только присвоение государственных активов и вывод их за рубеж. Это и система взяток за исполнение обычных служебных обязанностей, и легкое безответственное отношение к делу, служащее источником аварий, катастроф, заканчивающихся человеческими жертвами, и нежелание воспринять судьбу страны, ее будущее как часть своей собственной судьбы. Таким образом, коррупция – это сложнейшее социальное явление, охватывающее экономические, социальные, политические и нравственные аспекты функционирования общества, это ржавчина на механизме демократических систем управления, мешающая установить обратную связь с обществом и зависимость от нее.

Опыт борьбы с коррупцией в тоталитарных системах показывает ее малую эффективность. Коррупция может быть преодолена только усилиями всего общества, а это требует неординарных социально-мобилизационных мер.

Борьба с коррупцией – часть процесса демократического преобразования общества. Надо вернуть гласности ее главную роль: информирование

граждан обо всех процессах обыденной жизни, конструктивную критику власти, обличение пороков. Конечно, информирования мало, необходим feedback в активно действующую власть, которая принимала бы немедленные меры по ликвидации коррупционных стратегий и предотвращению криминальных инициатив. Основой ее должна стать правовая система, не столько базирующаяся на опыте западных стран, сколько максимально учитывающая реальную социально-политическую ситуацию в своей стране, где коррупция, к сожалению, является неустранимым фактом повседневной жизни. Демократия и гласность – важнейшие, но не единственные условия эффективной борьбы с коррупцией. Важнейшей ее составляющей должны быть новые мобилизационные усилия общества по формированию солидарности в борьбе за преодоление этого зла, а также нового чувства ответственности, когда от действия каждого зависит судьба всех. И самое главное, коррупция – это не разовая электоральная программа, способная привести к власти одну группу взамен другой, а долгосрочная стратегия, от которой зависит выживание страны, нормальное функционирование ее институтов, а также благополучие и счастье всех людей.

¹ Струве П. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьба России. М., 1992. С. 272.

² Там же. С. 273.

³ Дедков И. Октябрьская годовщина // Свободная мысль. 1991. № 16.

⁴ McDaniel. The Agony of the Russian Idea. Princeton, 1996. P. 87.

⁵ Ibid. P. 87.

⁶ Троянов И. Я. Погружение в бездну. СПб., 1999. С. 934.

⁷ Многая лета... М., 1991.

⁸ Там же. С. 246.

⁹ См.: Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2005.

¹⁰ Там же. С. 797.

¹¹ См.: Гофман Д. Олигархи. Богатство и власть в новой России. М., 2007.

¹² Там же. С. 15.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Там же. С. 20.

¹⁵ Хинштейн А. Ельцин, Кремль, история болезни. М., 2006. С. 4.

¹⁶ Делягин М. Возмездие на пороге. Революция в России. Когда, как, зачем? М., 2006. С. 285–286.

¹⁷ [http:// mail.yandex.ru/neo/message...](http://mail.yandex.ru/neo/message...)

Поступила в редакцию 18.10.10.